

А.Н. ЩЕРБАК, Л.С. БОЛЯЧЕВЕЦ, Е.С. ПЛАТОНОВА*

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: КОЛЕБАНИЯ МАЯТНИКА?¹

Аннотация. В статье поставлена задача рассмотреть советскую национальную политику как целостное явление, которое обладает определенной логикой и содержанием. Выделяя несколько основных периодов национальной политики, авторы используют концепцию «маятника» и показывают наличие мягких и жестких волн. Данный аргумент основан на анализе данных советской официальной статистики по трем основным измерениям: административный статус республики, кадровая политика и культурно-языковая политика. Результаты исследования позволяют проследить взаимосвязь между сменой политических курсов и изменениями фокусов в национальной политике. Исследование проливает свет на причины роста национализма в СССР в 1980–1990-е годы.

Ключевые слова: СССР; национальная политика; межнациональные отношения; национализм.

***Щербак Андрей Николаевич**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб, e-mail: ascherbak@hse.ru; **Болячевец Лилия Станиславовна**, студентка 4 курса департамента истории НИУ ВШЭ – СПб, лаборант Центра исторических исследований при НИУ ВШЭ, e-mail: sbolyatchevets@hse.ru; **Платонова Евгения Сергеевна**, студентка 3 курса департамента истории НИУ ВШЭ – СПб, e-mail: platosha95@gmail.com

Shcherbak Andrey, Higher School of Economics (Saint-Peterburg), e-mail: ascherbak@hse.ru; **Bolyatchevets Liliya**, Higher School of Economics (Saint-Peterburg), e-mail: sbolyatchevets@hse.ru; **Platonova Evgeniya**, Higher School of Economics (Saint-Peterburg), e-mail: platosha95@gmail.com

¹Статья написана в рамках научного проекта № 15-05-0059, выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015 г.

A.N. Shcherbak, L.S. Bolyatchevets, E.S. Platonova
History of the Soviet national policy: Swing of the pendulum

Abstract. The article aims to examine the Soviet nationalities policy as a complex phenomenon with its definite logic and content. Authors identify several main cycles of national policy and apply the «pendulum» concept to reveal its «hard» and «soft» waves. This argument is tested using the data of the official Soviet statistics in three dimensions: republic's administrative status, cadre policy and cultural-linguistic policy. The findings reveal the interrelation between the change of the policy direction and the shift in the focus of the nationalities policy. The study contributes to better understanding of the reasons of political mobilization along ethnic lines in the USSR in the 1980–1990 s.

Keywords: USSR; Soviet national policy; interethnic relations; nationalism.

Всплеск национализма на территории бывшего Советского Союза является одной из наиболее популярных тем для исследователей российской политики и специалистов по этническим конфликтам. В меньшей степени привлекает внимание ученых национальная политика в СССР, понимаемая как политика по вопросу национальностей¹ и межнациональных отношений. Нам кажется, что советская национальная политика незаслуженно оказалась на периферии постсоветских исследований. Изучение ее содержания, логики и результатов поможет лучше понять рост национализма в конце 1980-х – 1990-х годах.

Настоящая работа фокусируется на двух аспектах анализа советской национальной политики: периодизации и логике смены выделенных периодов. Мы применяем довольно популярную концепцию «маятника» [Гельман, 2006], которая отображает значительные колебания в данном политическом курсе – от акцента на развитие национальных окраин до резкого перехода к русификации. С другой стороны, движения «маятника» говорят о неспособности найти точку равновесия между интересами национальных меньшинств и национального большинства. Метафора «маятника» также отчасти улавливает реактивность национальной политики: смена политического курса часто определялась стремлением реагировать на итоги предыдущего периода.

¹ Термин «национальность» использован в статье в двух значениях – этнического меньшинства и этнической принадлежности.

Колебания «маятника» в советской национальной политике просматриваются через шесть выделенных периодов: 1) революция и Гражданская война (1917–1925); 2) политика позитивной дискриминации (1926–1939); 3) великодержавный русский национализм (1940–1955); 4) «коренизация» (1956–1970 гг.); 5) нарастание противоречий (1971–1985); 6) перестройка (1986–1991).

Основная теоретическая парадигма понимания национализма и национальной политики – это модернизм. После образования Советского государства одним из ключевых элементов советской национальной политики было создание новых этнических идентичностей, в связи с чем важную роль начали играть культурно-языковая политика и образование [см., например: Андерсон, 2001; Геллнер, 1991]. Национальные интеллигенции, побочный продукт данной политики, с середины 1980-х годов стали локомотивами национальных движений периода перестройки.

Национальная политика СССР рассматривается с двух сторон: в исторической перспективе и с содержательной точки зрения. В последнем случае мы концентрируем внимание на трех ее элементах: институциональном уровне, кадровой политике и культурно-языковой политике. Безусловно, набор этих элементов не исчерпывает весь репертуар инструментов национальной политики; тем не менее все они довольно показательны. Под институциональным уровнем понимается изменение формального статуса этнических регионов в официальной советской иерархии. Кадровая политика измеряется через национальность первых секретарей республиканских партийных организаций: нас интересует соотношение представителей титульной и нетитульной национальностей (как правило, русских) на этой ключевой политической должности. Культурно-языковую политику мы измеряем через роль родного (титульного) языка в преподавании в школах, тиражи книг и печатной периодики на местном языке.

Первая часть статьи посвящена историческому обзору советской национальной политики, разделенной на шесть периодов; вторая часть представляет собой анализ общих характеристик и трендов политического курса в отношении национальностей. Заключительная часть содержит выводы и итоговые обобщения.

Шесть периодов советской национальной политики

Революция и Гражданская война (1917–1925)

Российская империя имела некоторые черты унитарного государства. В частности, все губернаторы, управлявшие территориями огромного государства, назначались напрямую из Петербурга. Последние два императора – Александр III и Николай II – пытались ограничить права некоторых национальностей. Со второй половины XIX в. некоторые идеи панславизма оказывали влияние на официальную политику властей, хотя Российская Империя объединяла не только славянские народы и православных, но и католиков, протестантов, мусульман, иудеев и буддистов, а также различные этнические меньшинства. Царское правительство недооценивало силу национализма и не смогло принять адекватные меры, направленные на ассимиляцию или по крайней мере на умиротворение недовольных этнических групп. Только Финляндия и Польша обладали некоторой автономией, но с конца XIX в. она постепенно сокращалась. Неудивительно, что Первая мировая война, вызвавшая перенапряжение всех сил государства, привела к его коллапсу.

В период Гражданской войны целый ряд территорий бывшей империи Романовых провозгласили свою независимость¹. Пытаясь привлечь на свою сторону новых союзников, большевики объявили право наций на самоопределение в качестве одного из главных политических принципов.

¹ Эстонская, Литовская, Латвийская республики; Украинская Народная Республика, Украинская Держава гетмана Скоропадского, Западно-Украинская Народная Республика, Крымское краевое правительство на Украине; Белорусская Народная Республика; Молдавская Демократическая Республика; Азербайджанская Демократическая Республика; Грузинская Демократическая Республика; Республика Армения; Алаш-Орда в Казахстане; Закаспийское временное правительство в Туркменистане; Туркестанская автономия в Средней Азии; проект Идель-Урал в Татарстане; Башкурдистан в Башкортостане; Горская республика в Дагестане; Северо-Кавказский эмират в Чечне; Ингрия, Северо-Карельское правительство в Карелии; Государство Бурят-Монголия в Бурятии; Каракорумский алтайский округ в Республике Алтай; Временное якутское областное народное управление; Тувинская Народная Республика.

После окончания Гражданской войны был учрежден Союз Советских Социалистических Республик как политический союз равных наций. В самом названии государства подчеркивалось, что СССР не равен государству этнических русских. Более того, все союзные республики получили право на сепарацию.

Ранний советский период – «позитивная дискриминация» (1926–1939)

Во время Гражданской войны большевики были поражены «кровавым уроком 1919 года»: восстанием украинских крестьян против красных, которое носило явный этнический, антирусский характер [Мартин, 2001]. Подавив его, большевики были вынуждены признать, что национализм существует, и его уже нельзя больше игнорировать. Обсуждались два подхода к решению национального вопроса.

«Ортодоксальный марксистский подход» основывался на том, что национализм – это ложное сознание, изобретенное буржуазными лидерами для разъединения мирового рабочего класса. Единственная верная классовая идентичность не подразумевает никакого национального самоопределения и никакой национальной или даже культурной автономии [Martin, 2001].

«Принцип наибольшей опасности» предполагал, что национализм – это объективная реальность, и его нельзя игнорировать. Отрицание значимости местных культур будет восприниматься местным населением как продолжение великодержавного русского национализма и колониализма и может нести угрозу новых антикоммунистических восстаний. Поэтому большевики должны поддерживать национализм меньшинств против великодержавного русского национализма. Русский шовинизм представляет наибольшую опасность по сравнению с местным национализмом [Martin, 2001].

После короткой, но крайне интенсивной дискуссии большевики приняли второй подход к национальной политике. Политическим воплощением данного подхода стало появление оригинальной национальной политики, нацеленной на продвижение местных национальных движений, ускорение социального, экономического, политического и культурного развития «отсталых» этнических групп. Этот период в национальной политике СССР был назван

американским историком Терри Мартином «Империей позитивного действия» [Martin, 2001]. Можно отметить ряд следующих отличительных особенностей политики «позитивной дискриминации».

Коренизация. Все национальности могли получить определенную долю культурной автономии; представителям титульных национальностей были даны политически мотивированные привилегии, например этнические квоты при поступлении в ВУЗы, приеме на работу в правительственные учреждения. Кроме того, «отсталым» народам выделялись средства на развитие этнических институтов. Побочным следствием подобной политики было неявное поощрение антирусских настроений на местах.

Ускоренное государственное национальное строительство. Советская власть создала новые этнические идентичности и приписала их населению; кроме того, для этих групп были сформированы этнические территориальные образования и проведены новые границы. В этнических регионах титульное население получало больше возможностей для карьерного роста. Особое место занимало продвижение родного языка и культуры: создавались школы на родном языке, большими тиражами печатались газеты, книги и журналы на родном языке, получала поддержку местная интеллигенция – писатели, поэты, художники, историки и т.д.

Латинизация алфавитов. Важным элементом национальной политики являлась институциональная поддержка советского правительства в создании письменности для всех народов на территории СССР, даже самых малых. Это совпало с многочисленными предложениями с мест как от лингвистов, так и от интеллектуалов (в основном представителей тюркских этнических групп) перейти на латиницу. Основными причинами были: а) стремление в очередной раз показать нерусификаторскую природу советской национальной политики и б) желание отдалить советские тюркские народы от арабского влияния. К началу 1930-х годов кампания по латинизации была завершена.

Советский Союз оказался не плавильным котлом, а инкубатором новых наций. Советская национальная политика, основанная на поощрении и продвижении этнических меньшинств, привела к появлению новых национальных идентичностей. По всему СССР этнические меньшинства получали право на создание национальных районов в сочетании с правом на управление (документооборот) на своем родном языке. Десятки национальностей

получили свою письменность. Во многих республиках были впервые основаны университеты.

Однако к середине 1930-х годов политика «позитивной дискриминации» достигла своего предела. Поощрение местного национализма привело к значительному росту антисоветских и антирусских настроений на местах. В то же время индустриализация и коллективизация показали, что русские наиболее лояльны к советскому режиму. К середине 1930-х годов Сталин начал радикальную смену национальной политики.

Период великодержавного русского национализма

Новая национальная политика подчеркивала ключевую роль русского народа на идеологическом и культурном уровне. Этот сдвиг имел несколько объяснений. Во-первых, большевики хотели сохранить и приумножить поддержку со стороны русских, которые оказались наиболее лояльной этнической группой в период коллективизации и индустриализации. Недовольство русских антиимперской и антирусской кампанией, инициированной национальными меньшинствами, было одним из факторов, повлиявших на изменение национальной политики. Нападки на русскую культуру были остановлены, «прозападные» культурные ориентации запрещены. Официальная позиция теперь гласила, что прорусская культурная ориентация ни в коем случае не могла быть «отсталой» по сравнению с «западными» образцами [Martin, 2001]. Официальная пропаганда подчеркивала историческое мировое значение *русского* пролетариата, который дал всему миру Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию [Martin 2001; Branderberger, 2000].

Во-вторых, большевики стали рассматривать русских как своего рода «этнический клей» Советского Союза. «Отсталость» народов стала синонимом предательства и ненадежности, в то время как русские стали гарантом стабильности, бескорыстными представителями империи [Баберовски, 2006, с. 190]. После резкой смены политики союзный центр начал активно поощрять переселение русских на национальные окраины, рассматривая русское население как свою базу поддержки [Brandenberger, 2000].

На политическом уровне Сталин стал проводить политику русификации. После Большого террора новые первые секретари

республиканских партийных организация оказались в большинстве своем этническими русскими. Во время Великой Отечественной войны русские вновь доказали свою лояльность по отношению к действующей власти. Когда Сталин осознал, что национальное чувство способно более эффективно мобилизовать русских на борьбу с немцами, он приказал принять меры для поощрения русского национализма. В 1944 г. отдельные народы были обвинены в сотрудничестве с немцами и насильственно депортированы в Среднюю Азию – чеченцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, балкарцы, крымские татары и др.

Послевоенная национальная политика подчеркивала исключительный вклад русского народа в победу в войне. Продвижение политики великорусского национализма способствовало русификации в культурной и образовательной сфере. Роль русских и русского языка в образовании значительно выросла. В ряде автономных республик РСФСР – особенно православных финно-угорских народов – наметился ощутимый спад в использовании родного языка. Советское правительство уже не поощряло в той же степени развитие национальных меньшинств; все национальные языки были переведены на кириллицу.

Официальная точка зрения теперь гласила, что все лучшее в мировой истории было сделано русскими. Распространение коммунизма было приравнено к распространению русского влияния, поэтому роль русских в новом мировом порядке была неоспоримой. Соответственно, роль русской культуры, языка и литературы также не могла вызывать никаких сомнений. Политика великодержавного русского национализма была пересмотрена только после смерти Сталина.

Коренизация, или доверие местным кадрам (1956–1970)

Советская национальная политика после смерти Сталина включала в себя три элемента: антисталинизм, коренизацию и латентную русификацию. Период 1956–1970 гг. наиболее четко представлен антисталинизмом и коренизацией; в последующий период (1971–1985) коренизация была продолжена при одновременном усилении латентной русификации. На волне кампании по ревизии сталинизма, запущенной Н. Хрущевым после XX съез-

да КПСС в 1956 г., была пересмотрена и политика великодержавного русского национализма. Например, Хрущев начал подчеркивать вклад *многонационального* советского народа в победу в Великой Отечественной войне. Более того, в 1957 г. многим репрессированным народам было разрешено вернуться из ссылки на свою родную землю. Осуждение Хрущевым Большого террора означало, что новое политическое руководство отказывалось от массовых репрессий, в том числе по этническому принципу. Декларировался переход к «мирному сосуществованию» не только с остальным миром, но и внутри СССР. Миграция русских в другие союзные республики стала сокращаться.

После смещения Хрущева в 1964 г. к власти пришел Л. Брежнев, правление которого часто обозначается как «корпоратистская сделка»: в обмен на лояльность всех социальных групп правительство обеспечивало эти группы различными материальными благами [Вунсе, 1983]. На уровне национальной политики стала продвигаться политика коренизации. Однако теперь коренизация имела несколько иное значение: это была уже не просто языковая политика, а политика «доверия местным кадрам». Ключевой чертой нового курса была идея продвижения представителей титульной национальности в местных партийных организациях и местных органах власти. В то же самое время местные власти брали на себя обязательство демонстрации политической лояльности и поддержки социальной стабильности на вверенных им территориях. Это была своего рода политика компромисса между требованиями центра и местной спецификой.

Хрущевский и особенно брежневский периоды были «золотым веком» развития этнических институтов в национальных регионах всего Советского Союза. Коренизация позволяла тратить много ресурсов на национальное культурное (и государственное) строительство. Появление национальных университетов, научных институтов, учреждений культуры, новых издательств, газет и журналов, расширение доступа в партийные и советские органы создавало большое количество рабочих мест для национальной интеллигенции. Однако, несмотря на достоинства политики коренизации, национальные меньшинства осознавали, что шансы сделать хорошую карьеру за пределами своих регионов у них невелики. Разочарование приводило к росту местного национализма, что стало особенно заметным с начала 1970-х годов.

Период нарастания противоречий (1971–1985)

Следующий период был отмечен усилением противоречий в национальной политике. С одной стороны, наблюдалось продолжение политики коренизации, с другой – усиление политики латентной ассимиляции и более жесткая реакция на проявление местного национализма. Примером последнего является снятие П. Шелеста с поста Первого секретаря украинской партийной организации в 1972 г. за «националистический уклон». В вину Шелесту поставили в том числе написание им книги «Україно моя, Радянська», в которой «излишнее» внимание уделялось прошлому Украины, традициям казачества, украинской культуре [см.: Бонд, 2008]. Показательна история с бывшими немцами Поволжья, в основном проживавшими в Казахстане. В 1972 г. с них были сняты последние ограничения в выборе места жительства, но в 1979 г. им было отказано в создании немецкой автономной области в составе Казахской ССР.

Борьба с проявлениями «буржуазного национализма» идеологически оправдывалась дальнейшим развитием государственного строительства в СССР – формированием советского народа. Вторая половина 1970-х годов характеризовалась обострением дискуссии о национальной политике в свете принятия новой Конституции СССР. Официальная идеология допускала наличие двух подходов при обсуждении национальной политики: а) «слияние» (всех народов в одну советскую нацию, отличную от исходных народов) и б) «сближение» (признание прочности существующих национальных идентичностей, идея «расцвета» наций) [Lapidus, 1984, p. 567]. Приоритет отдавался концепции «сближения», однако без полного отказа от «слияния» в официальном дискурсе. Сам термин «советский народ» набирал политическую и идеологическую популярность. В рамках концепции «сближения» он понимался не как новая этническая нация, а как новая политическая общность, «политический народ». Тем не менее даже в данной трактовке он вызывал определенное отторжение в республиках, особенно среди национальной интеллигенции.

Появившиеся предложения об отказе от этнофедеральной структуры СССР мотивировались несколькими аргументами. Во-первых, тем, что она изжила себя, затрудняет сближение наций. Подчеркивалось, что деление СССР на союзные республики

мешает экономическому развитию, так как создает лишние экономические барьеры внутри страны. Во-вторых, отказ от республик должен был усилить политическую интеграцию СССР. В-третьих, в результате демографических изменений в ряде союзных и автономных республик титульное население оказалось меньшинством [Lapidus, 1984, p. 567]. Эта дискуссия отражала многие проблемы, которые накопились в сфере национальной политики и национальных отношений. К основным можно отнести следующие:

1) обострение экономических противоречий между республиками, фактически вызванное начавшимся распадом брежневского корпоратизма. Когда темпы экономического роста затухают, конкуренция за ресурсы обостряется;

2) нежелательные последствия кадровой политики: с одной стороны, доминирование славянских элит на союзном уровне («стеклянный потолок» для национальных элит), с другой – этническая клановость на местном уровне, национализация республиканских органов власти;

3) изменение демографического баланса между славянскими и среднеазиатскими республиками, породившее со стороны последних требования дополнительных инвестиций в местные экономики с целью абсорбировать растущую рабочую силу;

4) активизация сторонников русского национализма под лозунгом «Русский народ – главная жертва СССР». Даже в официальной печати стали появляться статьи, посвященные эксплуатации РСФСР другими республиками.

Важной составляющей позднесоветской национальной политики была медленная ассимиляция. Об этом свидетельствуют в том числе данные советских переписей. Наиболее подверженными русификации оказались славянские, православные народы с высокой долей городского населения [Silver, 1974 a]. Еще в конце 1950-х годов советское правительство провело образовательную реформу, которая привела к существенному снижению числа школ на родном языке в автономных республиках РСФСР. Например, в 1972 г. только татары и башкиры могли учиться с 1 по 10 класс на родном языке. Во всех остальных автономных республиках РСФСР ученики могли изучать родной язык как отдельный предмет; в качестве языка обучения родной язык обычно использовался только до 4 класса [Silver, 1974]. В мае 1979 г. в Ташкенте прошла конференция «Русский язык – язык дружбы и сотрудничества

народов СССР», в ходе которой были выработаны рекомендации по существенному повышению статуса русского языка, вплоть до полного двуязычия [Salchanyk, 1982]. В 1978–1979 гг. были приняты меры по дальнейшему расширению изучения русского языка в национальных республиках, как правило, за счет местных языков. Эти решения стали причиной роста недовольства, приведшего к массовым демонстрациям [Lapidus, 1984, p. 572; Salchanyk, 1982]. Степень недовольства языковой политикой и размах протестов сильно варьировались по республикам (Прибалтика, Грузия, Белоруссия, Украина). Местное население противилось ассимиляции и старалось ей противодействовать. В росте недовольства по поводу русификации в позднесоветский период можно обнаружить корни национальных движений.

Перестройка и политическая мобилизация (1985–2000)

Спустя несколько лет после прихода к власти в 1985 г. М. Горбачев провел масштабные политические реформы, которые привели к радикальному изменению баланса власти между союзным центром и регионами. Практически везде националистические движения смогли провести своих кандидатов на выборах в республиканские Советы (1990), а в ряде случаев – установить над ними свой контроль. Практически везде националисты принимали схожие политические программы, основанные на требованиях расширения экономической и политической автономии, а также культурного возрождения своих народов. К началу 1991 г. шесть союзных республик де-факто объявили о своей независимости. После провала августовского путча 1991 г. распад СССР оказался неизбежным. В декабре 1991 г. он прекратил свое существование.

Непредвиденным итогом политики коренизации стало постепенное превращение союзных республик в квазисуверенные государства: в них были созданы все необходимые государственные институты, родной язык и своя идентичность. Когда центробежные силы на союзном уровне взяли верх, местные политические элиты оказались готовы к провозглашению своей независимости. Без контроля в виде русских партийных секретарей (а также КГБ, армии и других подобных инструментов) местные элиты осознали, что никто уже не может им помешать заявить о независимости от Москвы.

Рост национализма также происходил и в российских автономных республиках. В одних республиках национальные движения приобрели большое значение в местной политике (например, в Татарии, Башкирии, Чечне, Якутии), в других республиках их влияние оказалось ограниченным (например, в Хакасии, Карелии и Мордовии). Успех националистов объяснялся как их способностью привлекать внимание к экономическим вопросам, в том числе к сохранению рабочих мест для представителей титульной национальности [Giuliano, 2011], так и развитием этнических институтов в позднесоветский период [Gorenburg, 2001; 2003]. Двумя наиболее проблемными регионами были Татарстан и Чечня. В случае Татарстана президент Б. Ельцин смог найти мирное компромиссное решение, подписав двухстороннее соглашение о разделе полномочий. В других регионах этнические движения смогли либо достичь определенных уступок со стороны центра, либо продвинуть своих лидеров во властные структуры. Однако к концу 1990-х годов национальные движения повсеместно растеряли свою поддержку и стали играть маргинальную роль в местной политике. Когда В. Путин пришел к власти и обозначил курс на рецентрализацию российского государства, местные националисты не смогли что-либо ему противопоставить.

Резюмируя, можно сказать, что СССР сделал попытку создать этническую федерацию с равными правами для всех народов. Национализм и национальная политика были важными источниками легитимности советской власти, особенно на раннем этапе. Однако в СССР так и не удалось создать устойчивую надэтническую идентичность. Поощряя создание культурных автономий как решение национального вопроса, советские лидеры в итоге помогали становлению будущих национальных движений. Когда надэтническая – советская – идентичность исчезла, образовавшийся вакуум стал стремительно заполняться националистическими идентичностями.

Основные тренды советской национальной политики

В фокусе данной части статьи находятся три ключевых элемента национальной политики: а) административный статус, б) кадровая политика и в) культурно-языковая политика. Для управления национальностями советское руководство могло манипули-

ровать статусом территории компактного проживания этнической группы, кадровым составом руководящих органов этой территории и правом проводить политику создания этнической идентичности. На примере динамики изменений по этим трем элементам мы можем увидеть маятниковый характер советской национальной политики. Безусловно, выбранные нами элементы не являются исчерпывающими, но тем не менее они весьма показательны.

Под *административным статусом* понимается изменение формально-административного статуса этнических регионов. В СССР существовала четырехступенчатая иерархия территориальных единиц: *союзная республика (ССР)*; *автономная республика (АССР)*; *автономная область (АО)*; *национальный административный округ (НАО)*.

Большинство национальных регионов стремились повысить свой формальный статус в советской иерархии, поскольку это означало лучшие возможности как для самого региона, так и для представителей титульной национальности. Мы отобрали все союзные республики и автономные республики РСФСР (без национальных административных округов) для дальнейшего изучения (всего 35 регионов). Каждому году присваивалось свое значение по шкале от 0 до 1,1 ('0' = нет отдельного региона; '0,25' = округ в неэтническом регионе; '0,5' = национальный округ в автономной республике, автономная область; '0,75' = АССР; '1' = ССР; '1,1' = независимое государство). Следующим шагом был подсчет средних значений по выделенным шести периодам как для всего СССР, так и для АССР и ССР по отдельности (рис. 1).

На основании данного графика можно сделать несколько выводов. Во-первых, важным трендом советской национальной политики было постоянное повышение административного статуса этнических регионов. Самым благоприятным периодом для национальных меньшинств оказался период 1926–1939 гг.: в этот период их статус вырос наиболее сильно. Во-вторых, «сталинский» период, наоборот, был наиболее неблагоприятным для статуса республик: в среднем административный статус национальных республик снизился, причем график показывает, что это произошло за счет АССР. Это своего рода важное свидетельство привлекательности статуса ССР: шанс снижения статуса с этой позиции практически отсутствует. Поэтому неудивительно, что в перестройку многие АССР выдвигали лозунг повышения своего

статуса до ССР. В-третьих, с началом политики десталинизации статус национальных республик неуклонно рос; центр более на него не покушался.

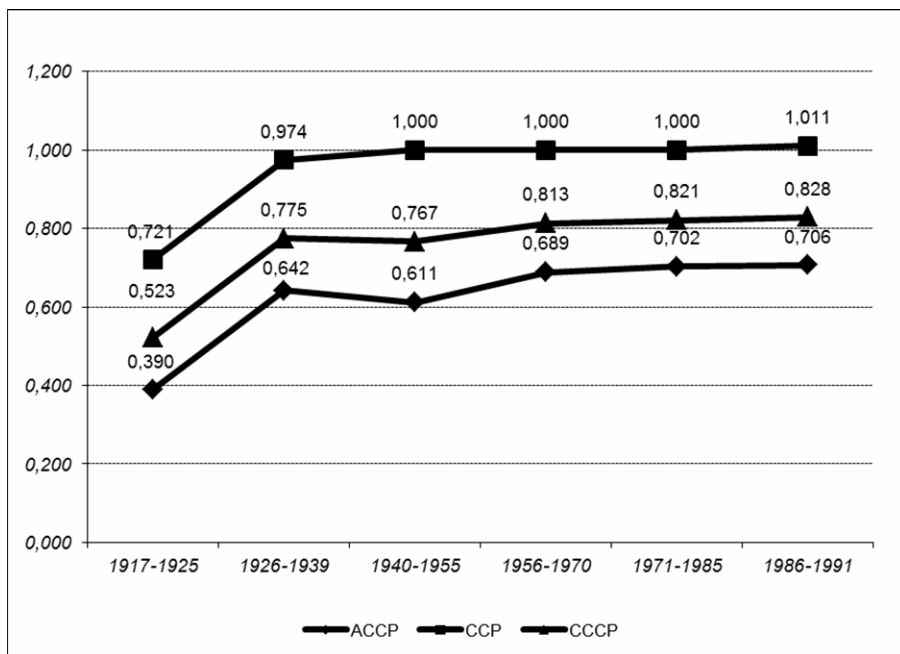

Рис. 1.

Динамика административного статуса национальных республик

Теперь рассмотрим кадровую политику в отношении национальных республик. Для этой цели мы взяли показатель национальности первых секретарей республиканских партийных организаций. Первый секретарь – главная политическая фигура в местной политической иерархии. Мы считаем, что если первый секретарь принадлежит к титульной нации, то это признак доверия к республике со стороны Москвы. Исследователи отмечают важность этого показателя, выделяя несколько моделей управления, как то: первый секретарь – титульной национальности, второй – русский, и наоборот [Miller, 1974; Grybkauskas, 2014]. Например, впервые пост главы Татарской АССР занял татарин только в 1944 г., а в

Чечено-Ингушской АССР – в 1989 г. Для каждой республики мы собрали данные по национальности первых секретарей и провели кодировку по каждому из шести периодов ('1' = все титульной национальности; '0,75' = не менее 75% титульной национальности; '0,5' = не менее 50% титульной национальности; '0,25' – хотя бы один первый секретарь был титульной национальности; '0' = все нетитульной национальности). Результаты динамики изменений неформального статуса республик представлены на рис. 2.

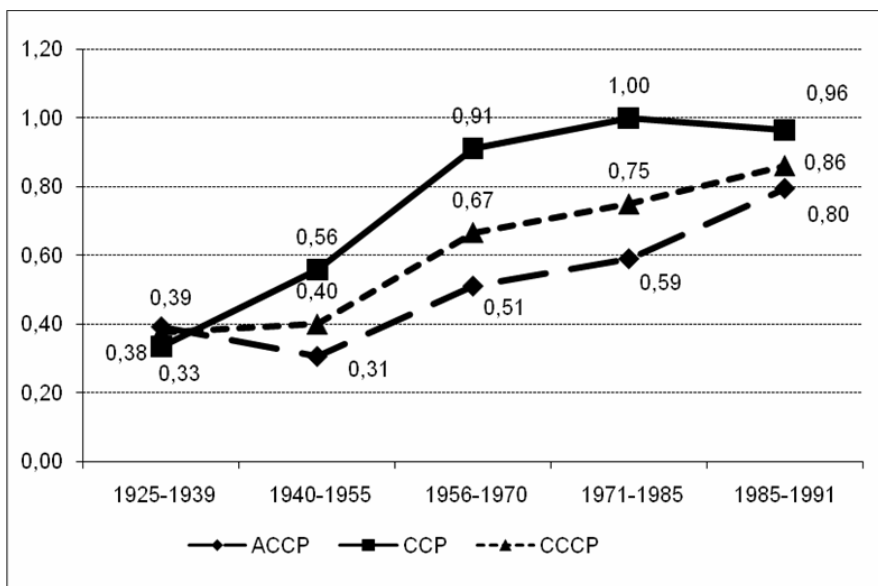

Рис. 2.

Кадровая политика в национальных республиках

Данный график позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, «неформальный статус» национальных республик также постоянно повышался. Во-вторых, статус ССР опять дает значимые преимущества: представители титульной национальности имеют больше шансов встать во главе региона, чем в случае АССР. В-третьих, ССР меньше подвержены русификации в области кадровой политики. В «сталинский» период в АССР доля титульных первых секретарей снизилась, по факту они были замене-

ны русскими. В то же время в ССР эта доля значительно возросла. В-четвертых, политика коренизации проводилась в ССР более высокими темпами, чем в АССР. Последнее означает, что потенциал для коренизации был выше в АССР, что показывает стремительный рост этого показателя в период перестройки.

Третьим элементом советской национальной политики, который мы рассмотрим, является культурно-языковая политика, имеющая множество аспектов, в том числе ассимиляцию (русификацию) [см., напр.: Алпатов 2000]. Американские социологи Б. Андерсон и Б. Сильвер, изучая результаты советских переписей, делали выводы о темпах и направлении демографических изменений в СССР, в частности ассимиляции [Anderson, Silver, 1984; 1989; 1990]. Эти же исследователи рассматривали языковую политику в области образования, сравнивая ее в зависимости от статуса республик. Для оценки данной политики мы выбрали такие показатели, как печать книг и периодики на родном языке, использование родного языка при обучении в школах в национальных республиках за период 1934–1980 гг. [Anderson, Silver, 1984]. Все эти показатели напрямую относятся к сфере формирования этнической идентичности: чтение и печать на родном языке исключительно важны в конструктивистской парадигме национализма [Андерсон, 2001; Геллнер, 1991]. Полученные данные представлены на рис. 3–5. Более того, важный косвенный эффект от культурно-языковой политики заключается в том, что она способствует аккумуляции латентного культурного национализма [Shcherbak, 2015]. Чем активнее проводится культурно-языковая политика, тем больше создается возможностей для трудоустройства (соответственно, и роста численности) национальной интеллигенции. Исследователи отмечали, что национальная интеллигенция играет важнейшую роль в основании национальных движений [Hroch, 2000; Gorenburg, 2001], именно она становится ядром национальных движений периода перестройки [Дерлугьян, 2010].

На рис. 3 по вертикальной оси отображен год обучения в школе, до которого было зафиксировано использование учебников на родном языке как языка обучения.

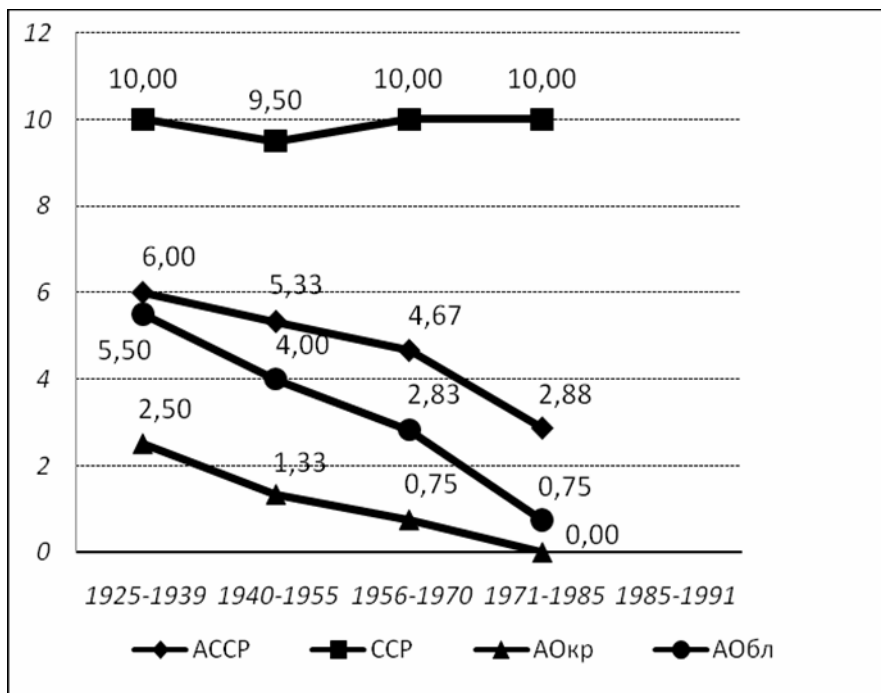

Рис. 3.

Использование родного языка как языка обучения в зависимости от административного статуса

Источник: [Anderson, Silver, 1984].

Данный график показывает, что формальный статус играл большую роль в языковой политике. Во-первых, преподавание в школах на родном языке постоянно сокращалось во всех национальных регионах, кроме союзных республик. Во-вторых, снижение преподавания на родном языке в «сталинский» период не было компенсировано впоследствии. Наоборот, все этнические регионы, кроме союзных республик, еще в большей степени были лишены права использовать родной язык в качестве языка обучения, особенно перед перестройкой.

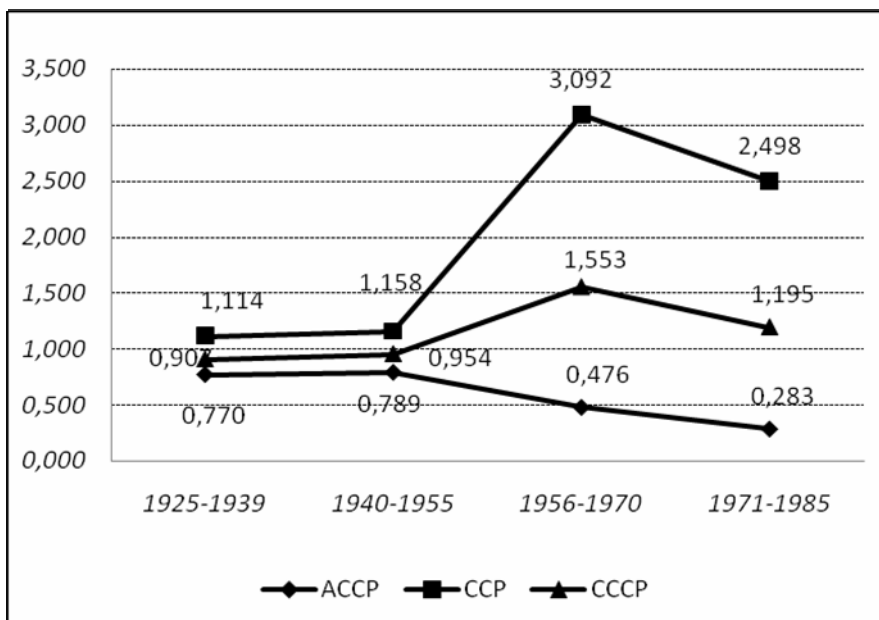

Рис. 4.

Тираж книг на родном языке, на душу населения

Источник: [Народное хозяйство СССР... 1986; Народное хозяйство РСФСР... 1987].

На следующем рисунке показана динамика тиража книг на родном языке по союзным республикам, автономным республикам РСФСР и СССР в целом. В относительных цифрах тиражи имели тенденцию к росту вплоть до 1970-х годов, после чего наблюдается их спад, причем по всем категориям республик.

График динамики тиражей газет и журналов на родном языке показывает примерно такую же картину. Тиражи росли до 1970-х годов, затем началась стагнация: небольшое падение в союзных республиках и некоторый рост в автономных.

В целом эти данные показывают, что политика коренизации на уровне автономных республик (и ниже) не сопровождалась в полной мере возрождением национальных культур. Периоды роста сменялись периодами спада: 1940–1955 гг. (обучение на родном языке) и 1971–1985 гг. (печать книг и периодики). Союзные власти делали ставку на медленную, но неуклонную ассимиляцию.

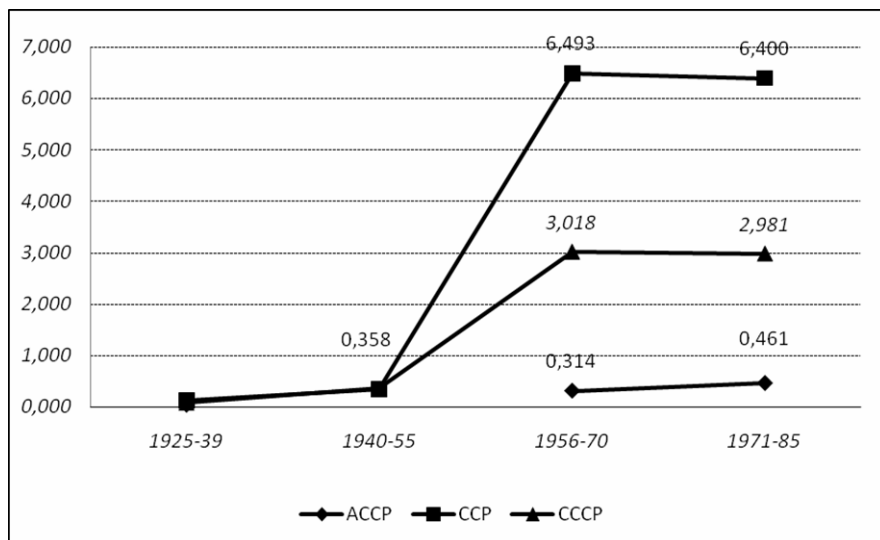

Рис. 5.

Тираж книг и журналов на родном языке, на душу населения

Источник: [Народное хозяйство СССР... 1986; Народное хозяйство РСФСР... 1987].

Хотя данные аспекты не отражают всего многообразия культурно-языковой политики советского руководства, мы считаем, что сокращение использования родного языка в культурной и образовательной сфере демонстрирует одну из «жестких» линий в советской национальной политике. Итог эмпирического анализа мы подводим в табл. 1.

Таблица 1

Элементы и этапы советской национальной политики

	1925–1939	1940–1955	1956–1970	1970–1985	1986–1991
Административный статус	+	–	+	+	+
Кадровая политика	+	–	+	+	+
Культурно-языковая политика	+	+	+	–	+

Примечание: «+» обозначает рост показателя по сравнению с прошлым периодом; «–» – спад.

Совместный анализ всех трех выбранных элементов позволяет предположить наличие чередующихся «мягких» и «жестких» волн в советской национальной политике. Периоды роста – повышение статуса республик, увеличение доли руководителей титульной нации и развитие культурно-языковой политики – чередовались периодами спада, когда республики расформировывались и делалась ставка на политическую и языковую русификацию (табл. 2).

Таблица 2

«Маятник» советской национальной политики

	1925–1939 гг.	1940–1955 гг.	1956–1970 гг.	1970–1985 гг.	1986–1991 гг.
Тип волны	Мягкая	Жесткая	Мягкая	Малая жесткая	Мягкая
Суть политики	Языковая коренизация. Повышение административных статусов этнических регионов. Политическая коренизация (ССР)	Языковая русификация. Политическая русификация. Снижение административных статусов этнических регионов (АССР)	Политическая коренизация. Повышение административных статусов этнических регионов	Языковая русификация. Дискуссии об изменении структуры СССР	Политическая коренизация. Повышение административных статусов этнических регионов

Как видно из табл. 2, советскую национальную политику можно описать с использованием метафоры маятника: чередование «мягких» и «жестких» волн свидетельствует о том, что ее постоянно бросало из стороны в сторону. Советское правительство пыталось найти «золотую середину» – баланс политических интересов национального большинства и национальных меньшинств – и не смогло. В итоге колебания маятника стали одной из причин массовой политической мобилизации в СССР в период перестройки, этнического насилия и, наконец, распада СССР.

Другой важной чертой советской национальной политики была довольно высокая степень ее реактивности. Политический курс в отношении национальностей являлся второстепенным по отношению к другим политикам (например, экономического развития, безопасности, внешней политики). Во многом эта политика была реакцией либо на другие факторы, либо на результаты (порой неожиданные) предшествующих периодов. Политическая мобили-

зация в Гражданскую войну привела к принятию «ленинского» компромисса: гибкой этнофедеральной структуры с учетом пожеланий десятков национальностей, но одновременно с появлением жесткой однопартийной политической системы. Сталинскую политику можно отчасти объяснить как реакцию на чрезмерную гибкость этой системы, которая не вписывалась в планы форсированного строительства социализма в отдельно взятой стране. Национальные интересы должны были быть принесены в жертву союзным, на политическом уровне это сопровождалось усилением роли национального большинства – русских. В свою очередь, антисталинизм и политику коренизации можно считать реакцией на сталинский жесткий курс, сопровождавшийся массовыми репрессиями и депортациями целых народов. Инкорпорирование национальных элит в советскую систему приводило к медленному обособлению национальных республик от союзного центра и появлению квазисуверенных квазигосударств. Реакцией на этот процесс стала «малая жесткая» волна 1970-х годов, которая выразилась в попытке форсировать русификацию и начать дискуссию об изменении этнофедеральной структуры СССР. В этом ключе стоит понимать появление национальных движений в период Перестройки – как реакцию на «малую жесткую» волну. В почти сформировавшихся нациях попытки ассимиляции могли вызвать только резко отрицательную реакцию против «имперского» центра.

Возможно, реактивность как черта национальной политики была следствием идеологической установки о решении «национального вопроса» при социализме. Вера в безусловный приоритет классовой идентичности привела к доминированию не совсем корректных установок о характере межнациональных отношений и целей желаемой национальной политики.

* * *

Выбранные элементы для изучения – административный статус, кадровая политика и культурно-языковая политика – хотя и не исчерпывают всего репертуара национальной политики, но тем не менее дают представление о динамике изменений в этой сфере. Колебания маятника не привели к нахождению точки равновесия между интересами большинства и меньшинств.

Уроки советской национальной политики оказались практически забыты в современной России. Изменение национальной структуры – русских в Российской Федерации стало примерно 80% (вместо примерно 52% в СССР в конце 1980-х годов) – ненамного смягчило остроту межнациональных отношений в России. С 1990-х годов национальная политика оказалась практически полностью заменена региональной / федеративной политикой, которая ставила во главу угла отношения центра и регионов. Обострение проблем национализма – от миграции до религиозного фундаментализма – требует поиска новых решений. Ревизия советского наследия в этой сфере, хотя бы на уровне целеполагания и инструментария, способна дать представление о возможных курсах и их приблизительных последствиях.

Список литературы

- Алтаев В.М. 150 языков и политика, 1917–2000: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: КРАФТ, 2000. – 224 с.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-пресс-Ц, 2001. – 288 с.
- Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 126 с.
- Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миротрансформационной перспективе. – М.: ИД «Территория будущего», 2010. – 560 с.
- Баберовски Й. Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство, 1917–1953 // *Ab Imperio*. – Казань, 2006. – № 1. – С. 177–196.
- Бонд П. Украинец или 14 февраля 2008 года исполняется 100 лет со дня рождения Петра Шелеста, 1908–1996 гг., первый секретарь ЦК КПУ (1963–1972 гг.) // Общественно-политический еженедельник «Вечерний Луганск». – Луганск, 2008. – 5 марта. – Режим доступа: <http://nl.irtafax.com.ua/2008-03-05-41.html> (Дата обращения: 13.10.2015.)
- Гельман В. От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? Трансформация российской партийной системы // *Общественные науки и современность*. – М., 2006. – № 1. – С. 46–58.
- Народное хозяйство СССР в 1985 году: Статистический ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика, 1986. – 655 с.
- Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Статистический ежегодник / Госкомстат РСФСР. – М.: Финансы и статистика, 1986. – 471 с.
- Anderson B., Silver B. Equality, efficiency, and politics in Soviet bilingual education policy, 1934–1980 // *American political science review*. – Cambridge, 1984. – Vol. 78, N 4. – P. 1019–1039.

- Brandenberger D.* Proletarian internationalism, Soviet patriotism, and the rise of Russo-centric etatism during the Stalinist 1930s // *Left history*. – N.Y., 2000. – Vol. 6, N 2. – P. 80–100.
- Bunce V.* The political economy of the Brezhnev era: The rise and fall of corporatism // *British journal of political science*. – N.Y., 1983. – Vol. 13, N 2. – P. 129–158.
- Gorenburg D.* Nationalism for masses: Popular support for nationalism in Russia's ethnic republics // *Europe-Asia studies*. – Glasgow, 2001. – Vol. 53, N 1. – P. 73–104.
- Gorenburg D.* Minority ethnic mobilization in the Russian Federation. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2003. – 287 p.
- Grybkauskas S.* Imperializing the Soviet federation?: The institution of the second secretary in the Soviet Republics // *Ab Imperio*. – Kazan, 2014. – Vol. 3. – P. 267–292.
- Guiliano E.* Constructing grievances. Ethnic nationalism in Russia's republics. – L.: Cornell univ. press, 2011. – 248 p.
- Hroch M.* Social preconditions of national revival in Europe: A comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. – N.Y.: Columbia univ. press, 2000. – 220 p.
- Lapidus G.* Ethnonationalism and political stability: The Soviet case // *World politics*. – Baltimore, MD, 1984. – Vol. 36, N 4. – P. 555–580.
- Martin T.* The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – N.Y.: Cornell univ. press, 2001. – 496 p.
- Miller J.* Cadres policy in nationalities areas. Recruitment of CPSU First and Second secretaries in non-Russian republics of the USSR // *Soviet studies*. – Oxford, 1977. – Vol. 29, N 1. – P. 3–36.
- Silver B.* The status of national minority languages in Soviet education: An assessment of recent changes // *Soviet studies*. – Oxford, 1974. – Vol. 26, N 1. – P. 28–40.
- Silver B.* Social mobilization and the russification of Soviet nationalities // *The American political science review*. – N.Y., 1974. – Vol. 68, N 1. – P. 45–66.
- Solchanyk R.* Russian language and Soviet politics // *Soviet studies*. – Oxford, 1982. – Vol. 34, N 1. – P. 23–42.
- Shcherbak A.* Nationalism in the USSR: A historical and comparative perspective // *Nationalities papers: The journal of nationalism and ethnicity*. – Carlestown, Ill., 2015. – Vol. 43, N 6. – P. 866–885.